

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-36-45

УДК: 8-81-13

THE COGNITIVE DISCOURSE ANALYSIS OF EVIDENTIALITY CATEGORY IN RUSSIAN EXCLAMATORY SENTENCES

A. Hosseini, T. Khakrah Kahnamouei

The University of Tehran, Faculty of Foreign Languages and Literature.
North Kargar Street, 15/16, Tehran, 1439813164, Iran

Abstract. *The aims of the article are to examine the meanings of indirect evidentiality: inference, goal, desire and to search the manifestation of direct evidentiality in Russian exclamatory sentences. We attempt to prove that this category of evidentiality can be found in exclamatory sentences to express the speaker's emotional attitude to the described situation, and, also, by using the cognitive discourse analysis, we are going to search the ways of realization of the speaker's and his interlocutor's intentions in any statement. In our study we analyzed the exclamatory sentences containing certain lexical or grammatical language tools used to express the meanings of direct and indirect evidentiality. The relevance of this work is determined by the necessity of studying the reliable and unreliable sources of information expressed in Russian exclamatory sentences. By means of cognitive discourse analysis, we revealed that the availability of some of introductory words, particles, exclamatory pronouns and etc. according to the context, can contextually point to the personal experience of the speaker or to the unreliable and incomplete information he gets. In these situations the subject of the speech act in relation to what he sees or hears, renders feelings of wonder, happiness and sadness.*

Keywords: *direct evidentiality, indirect evidentiality, exclamatory sentence, cognitive-discourse analysis, the Russian language*

For citation: Hosseini, A., Kahnamouei, T.K. (2021). The Cognitive Discourse Analysis of Evidentiality Category in Russian Exclamatory Sentences. *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(5), pp. 36–45. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-36-45>

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКИХ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

А.А. Хоссейни, Т. Хакрах Кахнамуи

Тегеранский Университет, факультет иностранных языков и литературы,
15/16, Улица Норс Каргар, г. Тегеран, 1439813164, Иран

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в описании значений не прямой эвиденциальности – инференциальности, цели, желания, а также в рассмотрении проявления значения прямой эвиденциальности в русских восклицательных предложениях. Предпринята попытка доказать, что категория эвиденциальности может реализоваться в восклицательных предложениях для выражения эмоционального отношения говорящего к описываемой ситуации, а также с помощью метода когнитивно-дискурсивного анализа рассмотреть способы реализации замысла говорящего и его собеседника в высказывании. В нашем исследовании были проанализированы восклицательные предложения, содержащие определённые лексические или грамматические языковые средства и используемые для выражения значений прямой и не прямой эвиденциальности. Актуальность исследования определяется необходимостью рассмотрения достоверных и недостоверных источников информации, передаваемых в русских восклицательных предложениях. Посредством когнитивно-дискурсивного анализа было выявлено, что наличие некоторых вводных слов, частиц, восклицательных местоимений и т.д. контекстуально может указывать на собственный опыт говорящего или на недостоверную и неполную получаемую им информацию. В этих случаях субъект речевого акта по отношению к тому, что он видит или слышит, выражает чувства удивления, радости, восторга или грусти.

Ключевые слова: прямая эвиденциальность, не прямая эвиденциальность, восклицательное предложение, когнитивно-дискурсивный анализ, русский язык

Для цитирования: Хоссейни А.А., Кахнамуи Т.Х. (2021). Когнитивно-дискурсивный анализ категории эвиденциальности в русских восклицательных предложениях. *Филологические науки в МГИМО*. 7(5), С. 36–45. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-36-45>

1. Введение

В настоящее время лингвисты уделяют внимание исследованиям в области проявления когнитивной связи в языковых явлениях. Ф. Боас был первым учёным, рассматривавшим морфологические и синтаксические языковые средства, используемые для выражения значения эвиденциальности [25, с. 496].

Русские и иностранные лингвисты уделяют внимание как лингвистическим, так и экстралингвистическим языковым средствам выражения значений эвиденциальности в языке.

В ходе нашего исследования на материалах произведений А.П. Чехова «Вишнёвый сад», Л.Н. Толстого «Анна Каренина», К.М. Симонова «Товарищи», М. Горького «Детство» предпринята

попытка определить языковые средства, употребляемые говорящим для передачи значений прямой и не прямой эвиденциальности в русских восклицательных предложениях.

Теоретическая значимость нашего исследования определяется тем, что работа вносит вклад в изучение категории эвиденциальности. В работе предпринята попытка на основе когнитивно-дискурсивного анализа раскрыть лингвистические и экстралингвистические средства, передающие значения прямой/непрямой эвиденциальности в восклицательных предложениях.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты проведённого исследования могут быть использованы в изучении значений эвиденциальности и способов их выражения в восклицательных предложениях. Более того, эта работа помогает иностранным студентам в восприятии категории прямой/непрямой эвиденциальности в русских восклицательных предложениях и переводе на персидский язык.

2. Когнитивно-дискурсивный анализ категории эвиденциальности

Анализ категории эвиденциальности осуществляется в тех языковых структурах с эмоциональной окраской, где можно наблюдать репрезентацию знаний участников речи. При использовании когнитивного и коммуникативного подхода, как нам кажется, значение эвиденциальности воплощается в изучении психологических и мыслительных процессов, отражающихся в мозгу говорящего и объективно проявляющихся в высказываниях. С помощью когнитивно-дискурсивного анализа можно связать категорию эвиденциальности с более высокой системой дискурса как одной из высоких систем в лингвистике, где рассматривается язык со всеми своими особенностями, и отражающими картину мира в действительности [8, с. 9], [21].

Под дискурсом понимается речь, процесс языковой деятельности, совокупность высказывания, рассматривающегося как способ передачи всего происходящего в действительности [21], [8], [23]. С помощью дискурсивного анализа можно рассматривать не только грамматические, синтаксические конструкции, но и культурные, исторические, ментальные и коммуникативные факторы [13, с. 66]. То есть именно дискурс как речь содержит прагматические, социокультурные, психологические факторы, а также показывает целенаправленные социальные действия людей и их взаимоотношения в когнитивных процессах [2, с. 136–137]. Более того, интерпретация интенции участников речи отражает коммуникативную и смысло-содержательную структуру художественного произведения. Так как основной задачей дискурса является отражение всего происходящего в действительности, функция категории эвиденциальности как языкового явления, определяющего источника информации, становится значимой [2], [4, с. 6].

Следовательно, с учётом экстралингвистических факторов в дискурсе, таких как чувства говорящего, интенции всех участников речи, в категории эвиденциальности как способа отражения ситуации речи могут рассматриваться разнообразные лингвистические и экстралингвистические аспекты.

3. Языковые средства, передающие значение прямой эвиденциальности в русских восклицательных предложениях

Известно, что восклицательное предложение, содержащее восклицательную интонацию, восклицательные частицы, такие как «что за», «вижу», «вот так», «же», «ну», и междометий «о!», «ой!», «ох!», «эх!», «ах!», «эй!», «увы!» и др., является средством выражения эмоционального отношения говорящего как субъекта речи [12, с. 394]. Следует напомнить, что эмоциональное отношение, передающееся участником речи в дискурсе, может проявляться в повествовательных, вопросительных и побудительных предложениях. Таким образом, названная категория способна встречаться в разных синтаксических конструкциях по цели высказывания [9, с. 59–60], [18, с. 87].

Н.А. Козинцева рассматривает эту категорию как категорию со значением субъективного отношения говорящего к объекту речи. Как отмечает Н.А. Козинцева, говорящий как субъект ре-

чевого акта иногда не указывает на источник своих знаний, однако в некоторых случаях, при помощи своего собственного прямого наблюдения, умозаключения или наблюдения другого человека выражает значение эвиденциальности [5, с. 92]. В современном языкознании, согласно А.Ю. Айхенвальду, эвиденциальность как речевой акт связана с источником информации из первых и вторых рук [24, с. 3, с. 1]. Источник информации в высказывании оформляется с помощью визуального, сенсорного, предположительного или слухового знания [24, с. 3].

В современном русском языке значение эвиденциальности, как правило, выражается лексическими, морфологическими, синтаксическими средствами. Как, например, с помощью частицы «де», «дескать», «мол» можно оформлять ссылку на источник информации в контексте. Они обычно предшествуют словам, передающим чужую речь [22, с. 39]. Сравните: «*Так продолжалось до тех пор, пока Васька или Мотька донёс барину, что, вот-де, когда он, Мотька, сего утра лазил на остатки галереи, так углы совсем отстали от стен и, того гляди, рухнут опять.* (И. Гончаров)» [22, с. 21]. Частица «де» в данном употреблении использована в качестве языкового средства для выражения не прямой эвиденциальности. В предложениях же: «*Петров, **говорят**, поправился*» [22, с. 21], значение не прямой эвиденциальности выражается при помощи спрягаемой формы глагола «говорят» в простом односоставном неопределённо-личном предложении. В предложении: «*Он **сказал**: Если будут столько платить [он говорит], (это) недостаточно [он говорит]*» [22, с. 40], значение не прямой эвиденциальности выражено формой глагола «сказал» в простом двусоставном предложении. В других случаях посредством вводного слова *кажется* можно передавать значение не прямой эвиденциальности, например: «*За дверью, **кажется**, кто-то прячется*» [22, с. 28]. В этом предложении значение не прямой эвиденциальности выражено безличным глаголом «кажется» [6, с. 88–89].

Так, восклицательное предложение оказывается синтаксическим средством выражения эмоционального отношения [11, с. 55] говорящего в качестве участника ситуации речи. Восклицательное предложение способно отражать умозаключение говорящего при помощи лексических и интонационных и других языковых средств в предложениях. Для выражения прямой эвиденциальности в восклицательном предложении, как правило, нужно сосредоточиться на языковых средствах, отражающих всё происходящее в реальной действительности субъектом речи. В восклицательных предложениях часто говорящий оказывается собственно свидетелем ситуации, вызывающей у него чувства радости и восторга. В таких случаях контекстуально указывается на значение прямой эвиденциальности. Сравните:

1) *Аня (**глядит в свою дверь, нежно**). Моя комната, мои окна, как будто я не уезжала. **Я дома!** Завтра утром встану, побегу в сад...* [20, с. 3];

2) *Фирс (**хлопочет около кофейника**). Эх ты, недотёпа... (Бормочет про себя.) Приехали из Парижа... и барин когда-то ездил в Париж... на лошадях... (Смеётся)*

Варя. *Фирс, ты о чём?*

Фирс. *Чего изволите? (**радостно**) **Барыня моя приехала!*** [20, с. 5].

В обоих приведённых выше предложениях, чувства восторга и радости передаются контекстуально восклицательными предложениями со значением прямой эвиденциальности. Эти чувства выражаются участником речевого акта после того, когда он через несколько лет встречается Аню и свою барыню.

По Н.А. Козинцевой, прямая эвиденциальность в русском языке выражает наблюдения самого говорящего или его воспоминание о своём прошлом опыте [5, с. 92]. Ясно, что для передачи воспоминания об опыте прошлого, автор указывает на прямой и достоверный источник информации. Примерами выражения воспоминания говорящего о хороших событиях, вызывающих у него чувства восторга и радости, служат следующие высказывания, указывающие контекстуально на прямую эвиденциальность в восклицательных предложениях. Сравните:

1) *Аня. **Пройдёте здесь. Ты, мама, помнишь, какая это комната?***

Любовь Андреевна. *(**радостно, сквозь слёзы**). **Детская!***

Варя. *Как холодно, у меня руки заоченели. (Любови Андреевне) **Ваши комнаты, белая и фиолетовая, такими же и остались, мамочка.***

Любовь Андреевна. *Детская, милая моя, прекрасная комната... я тут спала, когда была маленькой... (Плачет)* [20, с. 3].

2) Аня (печально). *Это мама купила. (Идёт в свою комнату, говорит весело, по-детски.) А в Париже я на воздушном шаре летала!*

Варя. *Душечка моя приехала! Красавица приехала!* [20, с. 4].

Как показывают вышеуказанные примеры, чувство радости говорящего обусловливается его положительной эмоциональной оценкой, получаемой им на основе того, что случилось. Однако в некоторых случаях говорящий отрицательно оценивает ситуацию, из-за чего у него появляется чувство грусти, выражаемой восклицательным предложением. Сравните:

Трофимов. *Верьте мне, Аня, верьте! Мне ещё нет тридцати, я молод, я ещё студент, но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий, и — куда только судьба не гоняла меня, где я только не был! И всё же душа моя всегда, во всякую минуту, и днём и ночью, была полна неизъяснимых предчувствий. Я предчувствую счастье, Аня я уже вижу его...* [20, с. 19].

Вспоминая свой прошлый опыт, в выше приведённом примере Трофимов как собственный наблюдатель перечисляет Ане свои неприятности, которые испытывал везде в своей жизни в прошлом. Напоминаем, что в отличие от предшествующих примеров, где выражается чувство радости, здесь интонационно и контекстуально выражается чувство грусти у субъекта речи в восклицательном предложении.

Восклицательные предложения со значением бытийности называются генитивными предложениями. Генитивное предложение, по А.А. Леканту, представляется как одна из разновидностей именных субстантивных предложений. Генитивные утвердительные предложения указывают на бытие предметов в большом количестве. Имя существительное в генитивном предложении употребляется в форме родительного падежа и приобретает значение бытийности [17, с. 166–167]. Таким образом, выступая в качестве восклицательного предложения, генитивное предложение указывает на реальную модальность и в то же время выражает прямую эвиденциальность [17, с. 167]. Сравните:

1) *К весне дядья разделились; Яков остался в городе, Михаил уехал за реку, а дед купил себе большой интересный дом на Полевой улице, с кабаком в нижнем каменном этаже, с маленькой уютной комнаткой на чердаке и садом, который опускался в овраг, густо ошетилившийся голыми прутьями ивняка.*

— *Розог-то! — сказал дед, весело подмигнув мне, когда, осматривая сад, я шёл с ним по мягким, протаявшим дорожкам*» [3].

2) *Удивительное дело эта степь! — Сказал Апухтин, полуоборачиваясь с переднего сиденья к Артемьеву, после того как они молча проехали с десятков километров, не встретив и не обогнав ни одной машин. — Я здесь около двух недель. Сначала было впечатление чего-то до того однообразного и унылого, что, каюы не военная служба, — сегодня приехал, а завтра обратно. Ни одного дерева! Листок сорвать и в пальцах помять* [16].

Исходя из приведённых предложений, видим, что в некоторых случаях, как, например, в первом примере, частица «то» подчёркивает значение бытийности, избытка, большого количества или меры. Кроме того, в этом примере участник речевого акта с помощью восклицательной интонации выражает свою экспрессивно-эмоциональную оценку [15, с. 684].

Утверждаем, что во втором предложении (*Ни одного дерева*) частица «ни» подчёркивает отсутствие предмета речи в данном генитивном восклицательном предложении.

4. Языковые средства, передающие значение косвенной эвиденциальности в русских восклицательных предложениях

Далее мы переходим к изучению восклицательных предложений со значением косвенной эвиденциальности. Отметим, что косвенная эвиденциальность, которая отражается в русских восклицательных предложениях, может обозначать разнообразные семантические значения, в том

числе умозаключение, удивление, утверждение и побуждение, желание осуществления действия. Как правило, косвенная эвиденциальность, передающая вышеперечисленные значения, содержит когнитивный аспект, связанный с признаками логического содержания описываемого факта действительности.

При наблюдении новых, неожиданных событий говорящий удивляется, так как в этих ситуациях говорящий от удивления использует в своей речи те языковые средства, которые обозначают непрямую эвиденциальность [10, с. 93]. В таких случаях субъект речи в восклицательных предложениях не может нести полную эпистемическую ответственность за тот факт, что перед ним неожиданно открывается.

Ясно, что в некоторых случаях субъект речи не является наблюдателем какого-либо события с самого начала его возникновения, таким образом, свидетель ситуации получает неполную достоверную информацию.

Говорящий в таких случаях с помощью восклицательной интонации и некоторых других лексических средств, таких как местоимения «что», «какой», оценочного существительного «вздор» и междометия «боже мой», выражает чувство удивления. Сравните:

— *Да, я непременно поеду, — отвечал Левин. — Хотя мне показалось, что княгиня неохотно звала меня.*

— **Что ты! Вздор какой!** Это её манера.. [19].

Детальное изучение восклицательных предложений помогает нам определить результат мышления субъекта речи. В таких случаях говорящим выражается значение инференциальности.

Очевидно, что догадки и выводы субъекта речевого акта основываются на его наблюдении, однако источники всех его умозаключений не являются достоверными. Значение инференциальности в восклицательных предложениях выражается оттенками утверждения и удивления. Таким образом, источник проявления чувства удивления и утверждения человека в сочетании с его умозаключением о сообщаемом факте не является убедительным [10, с. 93]. Говорящий с помощью восклицательной интонации и восклицательных предложений, в которых используются междометие «ах!», и утвердительных сочетаний, в том числе «ещё бы», «да» и т.п., описывает и оценивает действие, выражаемое в выше указанных примерах. Следующие предложения служат примерами для выражения утверждения и удивления у собеседника.

1) *Я побегал на коньках, и есть хочется. И не думай, — прибавил он, заметив на лице Облонского недовольное выражение, — чтоб я не оценил твоего выбора. Я с удовольствием поем хорошо.*

— **Ещё бы!** Что ни говори, это одно из удовольствий жизни, — сказал Степан Аркадьич [19].

Непрямая косвенная эвиденциальность в данном употреблении обозначает умозаключение субъекта речи с положительной эмоциональной оценкой.

2) *...Ты знаешь, что он сделал....*

— **Ах, это ужасно, ужасно!** — повторял Левин [19].

3) *Она быстрым взглядом оглядела с головы до ног его сияющую свежестью и здоровьем фигуру. "Да, он счастлив и доволен! — подумала она, — а я?! И эта доброта противная, за которую все так любят его и хвалят; я ненавижу эту его доброту", — подумала она. Рот её сжался, мускул щёки затрясся на правой стороне бледного, нервного лица [19].*

В двух приведённых выше предложениях непрямая эвиденциальность обозначает умозаключение субъекта речи с отрицательным эмоциональным отношением.

Иногда реальное и ирреальное условное предложение передаёт инференциальную эвиденциальность, где контекстуально выражается гипотетичность предопределяющего. Восклицательное предложение с оттенками реального условного значения связывается с категорией инференциальности со значением предупреждения и передаёт рассуждение субъекта речи о вероятности проявления событий. Реальное условное предложение выражает реально-потенциальное условное значение и указывает на реальную действительность [14], [7, с. 668], [1, с. 96]. Сравните: *Ведь любит же она моего ребенка, — подумал он, заметив изменение её лица при крике ребёнка, — моего ребёнка; как же она может ненавидеть меня?*

— *Долли, ещё одно слово, — проговорил он, идя за нею.*

– *Если вы пойдёте за мной, я позову людей, детей!*» [19].

Приведённое выше предложение выражает негативное эмоциональное чувство гнева, которое возникло в субъекте речи. Кроме того, в этом примере говорящий при помощи условного предложения делает логический вывод о том, что может *позвать детей и людей, если муж её пойдёт за ней*.

Значение ирреального условия, проявляющегося в восклицательном предложении, указывает на отсутствие возможности осуществления действия в прошлом или в настоящее время. Сравните:

Аня (задумчиво): – Шесть лет тому назад умер отец, через месяц утонул в реке брат Гриша, хорошенький семилетний мальчик. Мама не перенесла, ушла, ушла без оглядки... (Вздрагивает.) Как я её понимаю, если бы она знала! [20, с. 4].

Из приведённого выше примера можно понять, что Аня в качестве говорящего всё время была собственным наблюдателем страданий своей матери. В этом примере субъект речевого акта чувствует грусть. Аня в этом предложении делает логический вывод о том, что для облегчения этих мучений её маме надо было знать, что её дочь понимала её. В данном случае восклицательное предложение со значением непрямо́й эвиденциальности обозначает ирреальный факт с негативной эмоциональной окраской.

Синтез психических особенностей эмоциональных чувств субъекта речи при изучении языковых средств выражения значений косвенной эвиденциальности в восклицательных предложениях позволяет нам различать отдельные коммуникативные реакции и поступки участника речевого акта в соответствии с ситуацией, в которой он находится.

Косвенная эвиденциальность в условном восклицательном предложении может выражать значение желания, воспринимаемого участником речевого акта. Сравните:

Гаев. Молчу. (Целует Ане и Варе руки.) Молчу. Только вот о деле. В четверг я был в окружном суде, ну, сошла компания, начался разговор о том, о сём, пятое-десятое, и, кажется, вот можно будет устроить заём под векселя, чтобы заплатить проценты в банк.

Варя. Если бы господь помог! [20, с. 10].

В приведённом примере у участника речевого акта есть желание, чтобы бог им помог. Ясно, что такое желание ещё не осуществилось и субъект речи не оказывается свидетелем реального желаемого акта. В данном употреблении восклицательное предложение передаёт значение непрямо́й эвиденциальности с положительной эмоциональной оценкой.

Факторы желания и побуждения, выражаемые участником речевого акта в восклицательных предложениях, служат элементами более широкого синтаксического значения, то есть значения цели. Это значение лексически и контекстуально иногда выражается говорящим в восклицательных предложениях и указывает на значение косвенной эвиденциальности, так как достижение цели нуждается в выполнении ожидаемого действия. Поскольку осуществление/неосуществление желания в действительности является возможным результатом действия, субъект речевого акта фактически не является свидетелем названного желаемого результата. Сравните:

«Варя (выйдя из себя). Сию же минуту вон отсюда! Вон!

Он идёт к двери, она за ним. Двадцать два несчастья! Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!» [20, с. 25].

Изучая приведённый выше контекст, заметим, что побудительное и восклицательное предложения взаимосвязаны. Они оказываются средствами выражения значения непрямо́й эвиденциальности. Говорящий во всех этих предложениях с помощью частицы «вон» и целевого союза «чтобы» указывает на своё желание и побуждение к осуществлению определённой цели, то есть указывает на тот факт, что ему больше не хочется встречаться со своим собеседником.

5. Результаты исследования и их обсуждение

Таким образом, многоаспектное описание способов передачи значений прямо́й и косвенной эвиденциальности в восклицательных предложениях, позволяет нам на основе когнитивно-дискурсивного анализа вскрыть лингвистические и экстралингвистические средства, передающие

значения прямой и косвенной эвиденциальности. В нашей работе были показаны связи источников информации с эмоциями действующих лиц, с их сознаниями и ситуациями, в которых они принимают участие. Дискурс как процесс формирования чувства радости, восторга, гнева и удивления у действующего лица, интонационно, семантически и лексико-грамматически указывает на показатели значений прямой и косвенной эвиденциальности в восклицательных предложениях. При выражении значений эвиденциальности в восклицательных предложениях субъект речи как языковая личность в каждой отдельной ситуации играет основную роль.

Выступая как собственный наблюдатель ситуаций, вызывающих чувства радости и восторга у человека, участник речевого акта указывает на достоверный источник передаваемых сообщений и позитивно или негативно его оценивает. Прямая эвиденциальность выражает положительный или отрицательный опыт говорящего в некой ситуации, которая вызывает у него чувство грусти или радости. Следует подчеркнуть, что в условиях, когда генитивное восклицательное предложение выражает значение бытийности и реальной модальности, источник информации является достоверным. В нашем исследовании также утверждается, что значения не прямой эвиденциальности в восклицательных предложениях выражают замысел, реакцию и рассуждение говорящего по отношению к ситуации речи.

Субъект речевого акта иногда на основе того, что видит или слышит, с помощью восклицательной интонации, местоимений «какой», «что», оценочного существительного «вздор» и некоторых междометий «боже мой!» выражает своё удивление. В таких случаях субъект речи не владеет полной и всесторонней информацией о сообщаемом факте, источник которого является недостоверным.

Инференциальность в восклицательных предложениях выражает рассуждение субъекта речи о том, что происходит/ произошло в реальной действительности, поэтому его сообщение не является достоверным. Для передачи значения инференциальности в восклицательных предложениях можно использовать вводное словосочетание «может быть», указывающее на догадки субъекта речи. В некоторых случаях при употреблении модальных частиц «ещё бы», «да»... можно передавать значение утверждения. В других случаях говорящий при помощи условных союзов «если» и «если бы» выражает своё суждение о вероятности проявления событий и иногда указывает на своё желание к осуществлению действия. Более того, субъект речевого акта посредством союза «чтобы» указывает на свою цель и своё побуждение к выполнению определённого действия.

© Хоссейни А.А., Кахнамуи Т.Х., 2021

Список литературы

1. Аникина М.Н. Синтаксис сложноподчинённого предложения / М.Н. Аникина и др. М.: Русский язык, 2004. 173 с.
2. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова, В.А. Виноградов и др. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
3. Горький М. Детство / М. Горький, М.: Детская литература, 1913. 45 с.
4. Гричин С.В. Авторизация в тексте научного произведения: когнитивно- дискурсивный аспект / С.В. Гричин, Т.А. Демешкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6. С.5-17.
5. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н.А. Козинцева // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92-104.
6. Кобринина О.А. Категория эвиденциальности: Её статус и формы выражения в разных языках / О.А. Кобринина // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005 № 1. С. 86-98.
7. Краткая русская грамматика / Шведова Н.Ю. М: Учреждение российской академии наук институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН и ООО «Словари Ру», 2002. 726 с.
8. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. Обзоров. М., 2000. С. 7-25.
9. Кустова Г.И. Синтаксис современного русского языка / Г.И. Кустова, К.И. Мишина, В.А. Федосеев. М.: Академия, 2005. 251 с.
10. Лунина Т.П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке / Т.П. Лунина // Известия ВГПУ. Филологические науки, 2020. С. 92-97.

11. Пешкова А.Б. Восклицательные предложения в русском и английском языках: структурно-прагматическая классификация // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2014. № 2. С. 55-57.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
13. Пташки А.С. Дискурс, дискурсивный анализ и лингвистические процессоры / А.С. Пташки // Вестник ТГПУ, 2016. № 6. С. 66-70.
14. Русская грамматика. / Шведова Н.Ю. М: Наука, 1980. 710 с.
15. Русский язык / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С.730-731.
16. Симонов К.М. Товарищи по оружию / К.М. Симонов. ФТМ, 1950-1965. 27 с.
17. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П.А. Лекант. М.: Выш. Шк, 2004. 247 с.
18. Современный русский язык: Синтаксис словосочетания и простого предложения / Н.М. Пипченко. Минск: БГУ, 2008. 203 с.
19. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. Русский вестник, 1877.
20. Чехов А.П. Вишнёвый сад / А.П. Чехов. СПб, 1904. 34с.
21. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
22. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность. Эвиденциальность в языках Европы и Азии / В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. 632 с.
23. Aikhenvald A. Y. Evidentiality / A. Y. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press. 2004.
24. Aikhenvald A. Y. Evidentiality / A.Y. Aikhenvald. In grammar. Encyclopedia of languages and linguistics. Oxford: Elsevier, 2006. pp. 320-325.
25. Boas F. Handbook of American Indian languages / F. Boas. USA: Washington, 1911. 570 s.

References

1. Anikina, M.N. *Sintaksis slozhnopodchinennogo predlozheniia* [The syntax of complex sentence] / M.N. Anikina i dr. М.: Russkii iazyk, 2004. 173 s.
2. Arutiunova, N.D. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [The linguistic encyclopedic dictionary] / N.D. Arutiunova, V.A. Vinogradov I dr. М.: Sovetskaia entsiklopediia, 1990. 688 s.
3. Gorkij, M. *Detstvo* [Childhood] / M. Gorkij. М.: Detskaia literatura, 1913. 45 s.
4. Grichin, S.V. Avtorizatsiia v tekste nauchnogo proizvedeniia: kognitivno- diskursivnyi aspekt [Evidentiality in the text of a research work: A cognitive-discursive aspect] / S.V. Grichin, T.A. Demeshkina // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. 2016. № 6. S. 5-17.
5. Kasatkina, L.L. *Russkij iazyk* [Russian language] / L.L. Kasatkina. М: Izdatel'skiy tsentr «Akademii», 2001. S. 730-731.
6. Khrakovskiy, V.S. *Evidentsial'nost', epistemicheskaia modal'nost', admirativnost'. Evidentsial'nost' viyazykakh evropy i azii* [Evidentiality, Epistemic modality, Mirative: Evidentiality in European & Asian languages] / V.S. Khrakovskiy. St. Petersburg, Nauka, 2007, 632 s.
7. Kobrina, O.A. Kategorii evidentsialnosti: Ee status i formy vyrazheniia v raznykh iazykakh [Category of evidentiality: Its status and forms of expression] / O.A. Kobrina // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2005 № 1. S. 86-98.
8. Koznitseva, N.A. Kategorii evidentsialnosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of evidentiality (Problems of typological analysis)] / N.A. Koznitseva // *Voprosy iazykoznaviia*. 1994. № 3. S. 92-104.
9. Kubryakova, E.S. O poniatiiakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike [The concepts of discourse and discourse analysis in contemporary linguistics] / E.S. Kubriakova // *Diskurs, rech', rechevaia deiatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: sb. Obzorov*. М., 2000. S. 7-25.
10. Kustova, G.I., Mishina, K.I., et al. *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of modern Russian language] / G.I. Kustova, K.I. Mishina, V.A. Fedoseev, М.: Akademiia, 2005. 251s.
11. Lunina, T.P. O sredstvakh vyrazheniia kosvennoy evidentsial'nosti v russkom iazyke [Means of reported evidentiality expression in the Russian language] / T.P. Lunina // *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*, 2020. S. 92-97.
12. Peshkova, A.B. Vosklitatel'nye predlozheniia v russkom i angliyskom iazykakh: strukturno-pragmaticheskaiia klassifikatsiia [Exclamatory sentences in Russian and English languages: structural-pragmatic classification] / A.B. Peshkova // *Vestnik VGU. Serii: Filologiya. Zhurnalistika*, 2014. № 2. S. 55-57.
13. Peshkovskiy, A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage] / A.M. Peshkovskiy, М.: YAzyki slavianskoy kul'tury [Languages of Slavic cultures]. 2001. 544 s.
14. Ptashki, A.S. Diskurs, diskursivny analiz i lingvisticheskie protsesy [Discourse, Discourse analysis & linguistic processes] / A.S. Ptashki // *Vestnik TGPU*. 2016. № 6. S. 66-70.
15. Shvedova, N.YU. *Kratkaia russkaia grammatika* [Concise Russian grammar]/ N.YU. Shvedova. М: Uchrezhdenie rossiyskoy akademii nauk institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN i OOO «Slovari Ru», 2002. 726 s.
16. Shvedova, N.YU. *Russkaia grammatika* [The Russian grammar]. / N.YU. Shvedova. М: Nauka, 1980. 710 s.
17. Simonov, K.M. *Tovarischi po oruzhiu* [Comrades in arms] / K.M. Simonov. ФТМ, 1950-1965. 27s.
18. Lekant, P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniia v sovremennom russkom iazyke* [The syntax of a simple sentence in modern Russian language] / P.A. Lekant. М.: Vysh. SHk, 2004. 247 s.
19. Pipchenko, N.M. *Sovremenny russkiy iazyk: Sintaksis slovosochetaniia i prostogo predlozheniia* [The modern Russian language: The syntax of phrase in simple sentence] / N.M. Pipchenko. Минск: БГУ, 2008. 203 s.
20. Tolstoy, L.N. *Anna Karenina*. [Anna Karenina] / L.N. Tolstoy. Russkiy Vestnik, 1877.
21. Chekhov, A.P. *Vishnevyy sad*. [The cherry orchard] / A.P. Chekhov. SPB, 1904. 34s.

22. Fuko, M. *Arheologija znaniia* [Archeology of knowledge] / M. Fuko. Kiev: Nika-Centr, 1996. 208 s.
23. Aikhenvald, A. Y. *Evidentiality* / A. Y. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press. 2004.
24. Aikhenvald, A. Y. Evidentiality in grammar. *Encyclopedia of languages and linguistics* / A.Y. Aikhenvald. Oxford: Elsevier, 2006. s. 320-325.
25. Boas, F. *Handbook of American Indian languages*/ F. Boas. USA: Washington, 1911. 570 s.

Сведения об авторах:

Хоссейни Амир Алиасгар – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета (Иран, Тегеран). Сфера научных и профессиональных интересов: морфология и синтаксис современного русского языка. E-mail: amhoseini@ut.ac.ir

Хакрах Кахнамуи Табассом – аспирантка, ассистент преподавателя кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета (Иран, Тегеран). Сфера научных и профессиональных интересов: морфология и синтаксис современного русского языка. E-mail: t.khakrah@gmail.com

About the authors:

A. Hosseini – PhD, assistant professor at the Department of the Russian language and literature at the University of Teheran. Fields of research interests: the morphology and syntax of the Russian language.

E-mail: amhoseini@ut.ac.ir

T. Khakrah Kahnamouei – a graduate student at the University of Teheran, Department of the Russian language and literature. Fields of research interests: the morphology and syntax of the Russian language.

E-mail: t.khakrah@gmail.com

* * *